

# О ЯЗЫЧЕСКИХ БОГАХ ЛОПАРЕЙ И О ПОКЛОНЕНИИ ИМ



В предыдущей главе мы узнали, что в наши дни особым почетом у лопарей пользуются три главных божества, не считая множества более мелких.

Первый из них Тор, или Торден (Thorden), соответствует шведскому Тору или Громовержцу. На языке самих лопарей он называется чаще Тирм (Tiermes), что обозначает у них "все, производящее шум и грохот". Таким образом, по самому смыслу туземного названия этого божества имя его тождественно древнеримскому Юпитеру Громовержцу. Тем же словом "тирм" лопари обозначают также и гром, который они считают проявлением особой небесной силы.

Самуил Реен говорит: "Тора, Тордена, или Громовержца, они считают живым существом, гремящим в небесах". Он же известен у них и под другим именем Айке (Aijeke), что по-лопарски значит "дед, прадед, предок". В данном случае они следуют примеру других народов, дающих это имя богу, например римлян, называвших Юпитера отцом, шведов, у которых есть слово "gubba", т.е. благой отец, прародитель. Когда он гремит в небесах, они называют его Тирм – словом, близким к скифскому Тарам и скандинавскому Тору, или Громовержцу. Этот Тирм или Айке (Aijeke), вера в мощь которого родилась из наблюдения грома и молнии, получил свое название от грохота, сопровождающего это явление. Поклоняясь ему, лопари верят, что от его воли зависят жизнь и смерть людей, здоровье и болезни, как сообщает Самуил Реен. Кроме того, они приписывают ему власть над злыми демонами скал, гор и озер, которых он может карать, поражая их молниями, подобно римлянам, которые также считали Юпитера владыкой всех прочих богов: "Они думают, что гром и молния предназначены для того, чтобы убивать злых духов, троллей".

Атрибутом Тора и Тирма является лук со стрелами, которые они мечут в дьяволов; радугу они считают этим луком: "Радугу лопари называют луком Тора, из которого он поражает злых духов и всех, кто делает зло их народу".

Радуга на их языке – айке дауге (Aijeke dauge) – обозначает собственно лук благого отца, прародителя, который охраняет их, своих детей от злых духов и всяких врагов. Его изображают также с молотом, известным у них под названием Айке ветшера (Aijeke wetschera), которым он бьет по головам демонов, как сообщил мне Олаф Магнус, родившийся в Торнеоской Лапландии.

Кульм Тирма и Тиорма (Thiormes), естественно, стоит у лопарей на первом месте, т.к. от него зависят, по их представлениям, столько неисчислимых милостей, здоровье и сама жизнь человеческая; даже смерть не приходит без воли Тирма, он отгоняет злых духов, мешающих им во время охоты, рыбной ловли и других промыслов, наказывая их за причиненное зло.

Вторым из важнейших богов является Сторюнкар. Хотя это слово не лопарского, а норвежского происхождения, но тем не менее все лопари пользуются им, как видно из следующих слов Самуила Реена: "Имя Сторюнкар взято лопарями с норвежского. Словом Юнкар (Junkar) норвежцы обозначают своих правителей провинций, откуда и лопари стали применять это название к своим богам, именуя их Сторюнкарами". Здесь он достаточно ясно говорит о том, что лопари повсеместно пользуются этим именем, однако мне кажется, что оно вошло в употребление лишь в более позднюю эпоху, когда некоторые из них подпали под владычество Норвегии. Несомненно, что кроме этого имени для обозначения этого божества у них есть и другое, а именно Стурпа Пасце (Stourre Passe), т.е. Великий Святой, как видно из обрядовых песен, поющих ими при жертвоприношениях этому божеству, о чем я скажу ниже.

Этот бог также пользуется величайшим уважением, ему воздают большие почести и обращаются к нему чаще, чем к другим богам. Лопари считают его ближайшим помощником своего Айке или Тирма, как бы заместителем или заместителем Бога. Этим объясняется и происхождение самого имени Сторюнкар (Stoere – большой; junkare – начальник, наместник), т.е. больший, чем все другие начальники или наместники.

Особенно почитают его и за то, что, по их взглядам, главным образом через его руки изливаются на людей всевозможные милости. Они верят, что его власти подчинены все животные и дикие звери; Айке и Тирм управляют богами, демонами и людьми, а Сторюнкар – животными. Поэтому от его воли зависит дать их тому, кому он захочет, а без его соизволения невозможно овладеть ни одним зверем. "Сторюнкару в качестве божьего наместника, – говорит Самуил Реен, – они приписывают верховную власть над всеми животными, например, над медведями, волками, лисами, куницами, оленями, рыбами и птицами. От него же зависит успех охоты".

Из всего этого ясно: поскольку охота служит лопарям основным и единственным средством к жизни, источником пищи и одежды, постольку культ Сторюнкара представляется им самой существенной обязанностью". Эти два божества, из которых одно правит людьми, другое животными и всем необходимым для поддержания жизни, являются самыми основными и характерными для лопарей. Так говорит о Сторюнкаре Самуил Реен.

Несколько иное сообщает И. Торней, хотя при внимательном рассмотрении можно убедиться, что он не так уж сильно расходится с Рееном: "Лопари рассказывают, что Сторюнкар часто показывается рыболовам и охотникам в виде рослого и видного мужчины, одетого в черное платье того покроя, который носят благородные, с пращою

(Bombarda) в руке и только ноги его похожи на птички.

Каждый раз, когда видели его стоящим на берегу в челноке, улов бывал богатейшим. Пролетающих мимо птиц он бил свинцовыми шариками из своей пращи и дарил охотникам. Они рассказывают также, что все прочие, не лопари, узнали о Сторюнкаре лишь потому, что во время объезда области королевским наместником лопарь, указывавший путь, останавливался всякий раз, когда приходилось вступать в горную местность, где, по преданию, жил Сторюнкар, и клал на лед топориче, описывая самим топором круг в честь владыки горной области Сторюнкара, чтобы снискать этим его милости".

Как видно из вышеприведенной цитаты, Торней, в сущности, не расходится существенно с Рееном. Так же как и Реен, он говорит о нем как о владыке над рыбами, птицами, дикими зверями и ставит в зависимость от его милости успех охоты. Не противоречит изложенному нами выше и то, что местопребыванием Сторюнкара Торней считает только горные области. Это можно объяснить тем, что наместник не проехал по стране достаточно далеко для того, чтоб лопарь смог указать ему и на другие места, где живет Сторюнкар. Что касается внешнего облика Сторюнкара в этом описании, то в нем чувствуется близость и влияние Норвегии, что видно и из самого имени. Это касается в особенности лулеоских лопарей, т.к. в таком виде он не являлся торнеоским и кемским лопарям, то возможно, что у них он даже известен под другим именем и называется просто Сейтом, от которого зависят рыбная ловля и охота.

Теперь я перейду к третьему богу, общему для лопарей и почти для всех языческих народов. Они называют

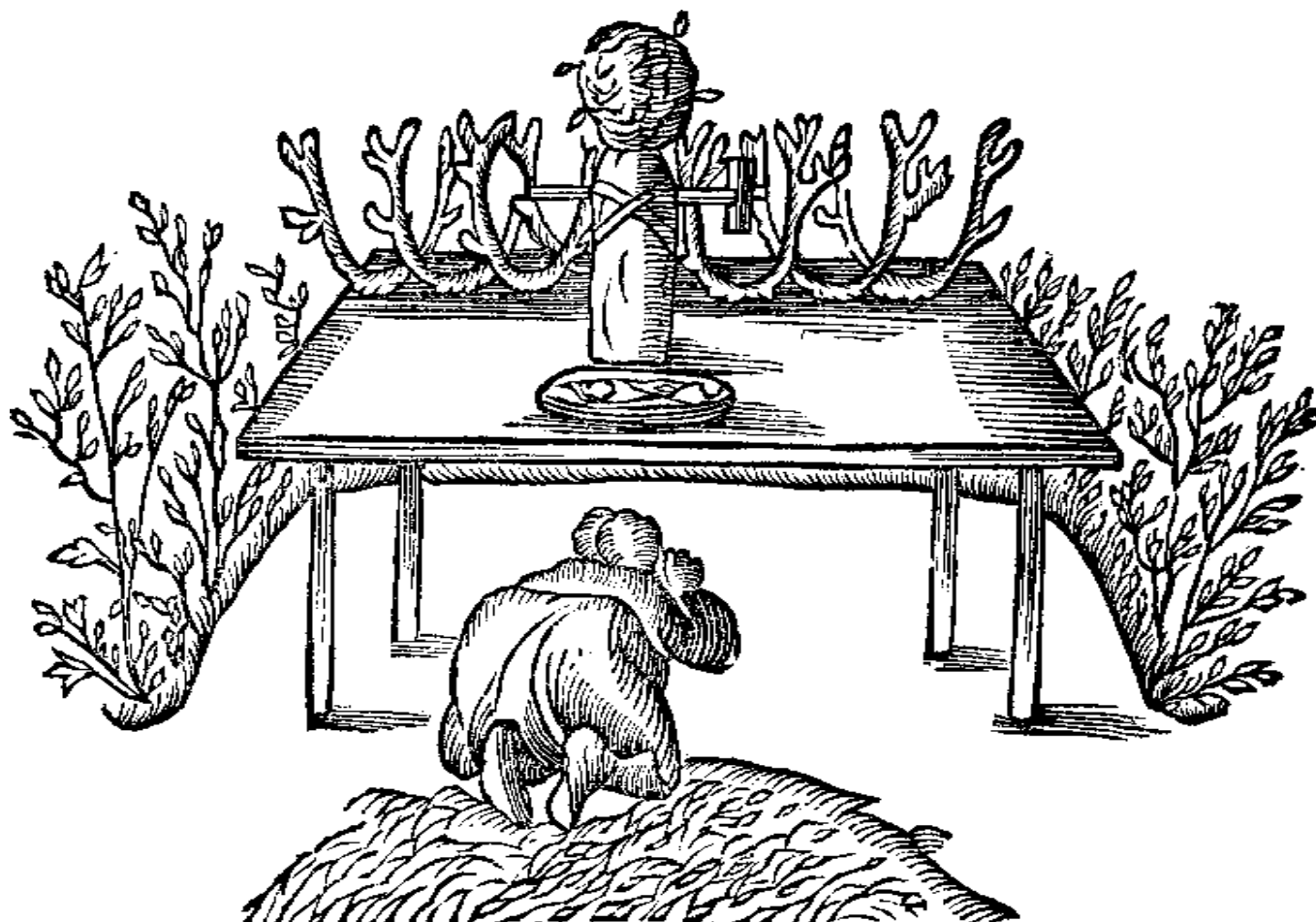
его Байве (Vaiwe), что значит Солнце. Его чтят как подателя тепла и света.

"Солнце, светящее им в течение целого лета, – пишет Олаф Магнус, – они весьма почитают и поклоняются ему, принося ему жертвы за то, что оно отгоняет от них мрачную тьму и укрощает свирепые морозы". Они считают его также и источником всякого произрастания. "Они называют солнце матерью всего живого", – говорит тот же автор. В особенности они приписывают ему заботу об оленях, которых оно согревает, наделяет потомством и способствует тому, чтобы оно быстро росло и крепло: "Они думают, что Солнце способствует размножению оленей, своими лучами увеличивая их животную теплоту, и ускоряет рост телят".

Приписывая такие свойства Солнцу и его теплу, особенно необходимому жителям холодных стран, где естественная животная теплота почти гаснет, а также питаясь и одеваясь благодаря оленям, они, конечно, считают нужным воздавать должные почести этому могущественному божеству.

К этому надо добавить, что с его возвращением они вновь получают возможность наслаждаться дневным светом и не только в течение дня, а целыми неделями. Утрата солнца на долгие зимние месяцы делает его возвращение особенно чувствительным и приятным.

Итак, всех этих главнейших богов, о которых мы только что говорили, лопари чтут каждого в отдельности особым культом. Это выражается в том, что каждому из них посвящаются особые места, где воздвигаются специальные символы и изображения, соответствующие их особенностям.



Место, на котором поклоняются Тору или Тирму, обыкновенно бывает расположено позади шалаша того лопаря, который предан этому суевию, на довольно значительном расстоянии, которое можно определить как дальность полета дротика. На этом месте воздвигается нечто, напоминающее большой постамент на ножках, на котором расставляются идолы. Этот постамент служит чем-то вроде алтаря и бывает окружен ветками деревьев, березы и сосны.

Точно так же лопари украшают и дорожку от шалаша к этому капищу Тора, устилая ее ветвями, листьями и хвоей деревьев. "Позади своего жилища, – пишет Самуил Реен, – они строят стол вышиною около трех локтей, который кругом украшают березовыми и сосновыми ветвями, точно так же и дорожку к нему устилают березовыми ветками". Таким образом, стол этот служит им алтарем, ветви же, воткнутые вокруг него, образуют как бы храм, в котором стоит идол Тора.

Почти так же описывает капище Сейта торнеоских и кемских лопарей Иоанн Торней. Там все устроено так же, за исключением постамента. Не возникает сомнений, что это тот же самый бог, отличающийся именем. "Своих богов, называемых Сейтами, – пишет он, – они помещают в определенных местах около озер или болот. При этом заботятся о том, чтобы это место было красиво покрыто зеленоющей травой. Летом все вокруг украшается зелеными ветвями деревьев, а зимой мелко искрошенными сосновыми ветвями. Когда хвоя поблекнет и пожелтеет, она тотчас же заменяется свежей".

Впрочем, некоторые могут предположить, что это относится к Сторюнкарам, т.к. озера считаются их местами, о чем я скоро буду говорить. Я думаю, однако, что жертвенники Сейтов располагаются не только у озер и болот, а и в других местах, так что под одним и тем же именем здесь, может быть, говорится о различных богах. Торней, видимо, не особенно заботился о проведении между ними строгого различия. Можно думать, что Солнцу устраиваются такие же капища, как и Тору или Тирму. По крайней мере, такой вывод можно сделать из слов того же автора в том месте, где он говорит о жертвоприношении Солнцу: "Жертву подвешивают позади шалаша там же, где приносят жертвы и Тору". Солнцу поклоняются на том же месте, где и Тору, и обоим приносят жертвы на таком же постаменте.

Из всего этого у меня возникает подозрение, не являются ли эти два бога лишь разными именами одного и того же, которого называют Айке или Тирм, когда обращаются к нему с мольбами о жизни и здравии или за помощью против демонов, и Бойве, когда молят о тепле и свете и о всем том, что также согревает и оживляет тело. Это предположение несколько подкрепляется тем, что Сторюнкару, например, отводятся совершенно особые места специально предназначенные ему горы или берега болот. Почти каждая семья имеет свои особые скалы, где поклоняется Сторюнкару.

"Каждая семья имеет своих Сторюнкаров в той местности, где она живет", – говорит по этому поводу анонимный автор уже упоминавшейся мною рукописи. То же говорит и Самуил Реен: "Каждый род или семья имеют свою особую священную гору" и далее: "Сторюнкаров они помещают на скалах или в пещерах, причем для этой цели иногда избираются самые недоступные скалы, куда ник-

то почти не может забраться. Некоторые места считаются у лопарей жилищем Сторюнкара, но иногда они до того недоступны, что сами они не в состоянии туда добраться".

Из этих слов ясно, почему лопари стремятся чтить Сторюнкара именно на скалах, это, по их мнению, его обычное местопребывание. Впрочем, не одни скалы пользуются этой славой, а также берега болот и рек, где тоже отводятся специальные места, посвященные культуре Сторюнкара. Самуил Реен подтверждает это: "Лопари воздвигают Сторюнкаров не только на скалах и в пещерах, но также поблизости рек и болот". Кроме того, они иногда определяют местонахождение Сторюнкара по тому, где появилось привидение, замеченное кем-нибудь в горах, на скалах и болотах.

Приведенный нами выше рассказ Торнея о явлении Сторюнкара в костюме знатного человека и с пращей в руке относится к области таких фантазий. Самуил Реен подтверждает сказанное нами, заканчивая перечисление мест, где ставятся идолы Сторюнкара, словами: "И в тех местах, где что-нибудь было слышно о являвшихся там привидениях". Лопари считают, что именно этим способом Сторюнкар открывает им свое присутствие и любовь свою к данному месту, почему оно и становится священным местом поклонения. Для обозначения этих мест в их языке есть специальные слова. Если это скала или гора – они называют ее Пассеварра, т.е. священная гора. "Все утесы, где обитают Сторюнкары, они называют Пассавари, – говорит анонимный автор моей рукописи, – что значит "священная гора" или "гора, имеющая отношение к Сторюнкару".

Из всего вышеизложенного ясно, почему такие места они считают наиболее подходящими для поклонения этому божеству. "Такие места, – говорит Реен, – они особенно охотно избирают для поклонения своим идолам".

Кроме того, лопари обыкновенно стараются какими-нибудь знаками точно определить границы такого участка, посвященного Сторюнкару, чтобы кто-нибудь по неосторожности не осквернил священное место и не навлек тем гнев Сторюнкара. "Ставят на этих местах вежи, чтобы всем было заметно, в каких границах заключена земля Сторюнкара". Так как такие места есть почти у каждой семьи, преданной этому языческому суевию, то их, конечно, великое множество во всей Лапландии. Самуил Реен считает, что в одной Лулеоской области их более тридцати.

Есть еще множество и других, потаенных мест, т.к. преданные этому идолопоклонству по мере сил стараются скрыть свои капища, чтобы не подпасть под подозрение в нечестии и не понести заслуженной кары. Еще несравненно большее число их по всей Лапландии, что, думаю, ясно каждому. Бесконечным перечислением их я не стану нагонять скуку на читателя. Все эти места посвящены или Тору и Солнцу, или Сторюнкару.

Заслуживает упоминания, что у лопарей строжайше возбраняется женщинам посещать эти священные места. Точно так же им запрещается ходить сзади своего жилища, т.е. в том направлении, где находится священное место Тора. "Ни одна женщина у них не смеет проходить за жилища", – подчеркивает Самуил Реен. В случае нарушения этого запрета женщина, по их поверьям, подвергает себя опасности навлечь на себя всякие беды и даже быть умерщвленной демонами. Поэто-

му они не смеют даже близко подходить к границам этих священных участков.

Причиной этих ограничений является то, что женщины считаются у них нечистыми, в особенности во время месячных очищений. В данном случае я основываюсь на том, что подвергаются запрету, главным образом, зрелые в половом отношении женщины (*mubiles*, дословно – способные к браку), т.к. именно в том возрасте, когда у них начинаются менструации, они уже могут вступать в брак. Т.к. никто не может сказать наперед, находится ли данная женщина в периоде менструаций или нет, то лопари считают более осторожным вообще запретить всему женскому полу соприкосновение со святынями во избежание осквернений и мести разгневанного бога.

Мое предположение подтверждается и сообщением Дамиана Гоена о том, что, по-лопарским поверьям, демоны не выносят менструальной крови. Напомню по этому поводу его слова, в которых он указывает, что единственным средством избавить карбас от напущенных на него чар безветрия, является следующее: "вымазать нос и корму судна выделениями (месячными) девушки, которых демоны не выносят". Гоен добавляет, что узнал это средство от самих лопарей.

Перехожу наконец к описанию изображений богов или идолов, т.к. обычно каждому из них у лопарей соответствуют определенные символы или знаки. Тор, например, или Тормез обязательно выделяются ими из дерева, почему и называется *Muoga Jubmel*, т.е. деревянный бог. Это соблюдается по всей Лапландии, а не в одной лишь Торнеоской области, несмотря на то, что в других местах он носит имя Сейта, что, в сущности, не имеет значения. Об этом рассказывает и Петр Клауд в своем "Описании Норвегии": "Некоторые из них делают себе довольно больших деревянных идолов и ставят их где-нибудь под горою или в пещере". Материалом для этого обыкновенно служит береза.

"Они делают идолов, – говорит Самуил Реен, – по числу убитых ими жертвенных животных и при этом выделывают идолов обязательно из березы". Внешний вид идола обыкновенно бывает очень грубым и неуклюжим, но верхней части его все-таки придается некоторое подобие человеческой головы.

В письме, адресованном мне Матвеем Стеухом (*Steuichius*), говорится: "Отец мой рассказывал, что эти идолы (речь идет об идолах Тора) представляют собой громадные обрубки, на которые насажено грубое подобие головы с намеком на человеческое лицо". Отец Стеуха, на слова которого он ссылается, был суперинтендантом Гернозандской епархии (*Hernosandensis*), духовному попечению которого подлежала большая часть Лапландии, вследствие чего он не мог не иметь точных сведений по этому вопросу. Самуил Реен еще подробнее говорит об этих идолах, сделанных из древесного пня: "Идолов этих они делают из березы, а именно корень служит головой, остающаяся же часть ствола – туловищем".

Березы, растущие на болотистой почве, часто имеют главный корень наподобие шара, от которого уже расходятся в разные стороны корневые отростки, так что не представляет особого труда придать такому корню сходство с человеческой головой. Так как идол должен изображать Тора, то его снабжают еще молотом. Этим признаком Тора отличается от прочих.

Вот как рассказывает мой анонимный автор: "В голову идола они вбивают железный гвоздь и втыкают в нее кусочек кремня, из которого Тор высекает огонь". Впрочем, по-видимому, эти атрибуты появились уже в более позднюю эпоху и являются символом огня, общим для Тора и Солнца. Хотя обыкновенно идол соответствует по внешнему виду вышеописанному, но в Торнеоской Лапландии местами поклоняются просто пню. "Сейты, – говорит Торней, – не имеют никакого вида, часто это просто обрубки дерева, воткнутые в землю, или даже пни, держащиеся в ней корнями.



Для Солнца у лопарей нет никаких специальных изображений потому ли, что его они и так непосредственно видят, или потому, что это божество в тайниках их поверий отождествляется с Тором.

Сторюнкар делается обыкновенно из камня. "Идолы Сторюнкара всегда каменные", – замечает Реен, а в моей анонимной рукописи читаем: "На этих местах они воздвигают каменные глыбы и называют их Сторюнкарами". Именно к идолам, изображающим этого бога, можно отнести слова Петра Клауда в его "Описании Норвегии", где он говорит о лаппофиннах: "Они помещают своих идолов в лесах и в уединенных местах, часто это просто громадные камни".

Камни, о которых он здесь говорит, не могут иметь отношения ни к Тору, т.к. его изображения делаются из дерева, ни к какому-либо другому богу, кроме Сторюнкара. В этом смысле следует понимать и Дамиана Гоена, пишущего о лопарях: "Они считают за богов каменные статуи". Так же и у Циглера: "Воздвигнутые на горах каменные статуи они почитают за богов". Именно на горах, как наиболее удобном Сторюнкару месте, и должны находиться эти идолы. Но какого они вида? Если верить Олафу Петерсону Ниурению, они походят на птиц: "Каменные боги лопарей напоминают каких-то птиц". Самуил Реен говорит, что эти изображения иногда походят на человека, иногда на какое-нибудь животное.

Однако сходство это настолько отдаленно, благодаря необычайной грубости форм идола, что его едва можно уловить, и лопарям легче самим верить в него, чем убедиться в нем кого-нибудь другого. Несмотря на это, а может быть именно поэтому, они считают своих Сторюнкаров священными, стараясь уловить в них желательный образ. Дело в том, что они сами этих идолов совсем не отделяют какими-нибудь искусными способами, а просто находят на берегах рек или болот каменные глыбы причудливой формы, ставят их как символ Сторюнкара и поклоняются им. Их воображение поражает странная форма этих каменных глыб, которую они приписывают не игре природы или случаю, а сознательной воле божества, пожелавшего облечься в такую форму и стать предметом поклонения. Поэтому Сторюнкара называют еще и *Kied Kie Jubmal* – каменный бог.

Грубость форм этого сорта идолов, понятная, и то с трудом, лишь самим лопарям, была, вероятно, причиной того, что Торней совершенно отрицал наличие ее у каменных идолов. "Сейты не имеют никакого вида, – говорит он, – ни приданного им человеческими руками, ни созданного природой. Эти каменные идолы, в сущности, самые обыкновенные камни, грубые, черные, отвратительные, выщербленные и разъеденные потоками воды". Но именно эта шероховатость и выветренность камней, вероятно, и привлекала к ним внимание, создавая возможность угадывать в них какую-то таинственную форму. Только в одном месте Торней упоминает о каменных идолах, имеющих человеческий облик: "В том месте, где из озера Торнеотреск вытекает река, на одном островке посреди водопада Дарра (*Darra*) находятся каменные Сейты, имеющие человеческий вид и расположенные в ряд. Первый из них величиной с рослого мужчину, рядом с ним четверо других несколько меньших, головы всех украшены чем-то вроде колонн. Из-за необычайной стремительности водопада в этом месте доступ на остров со-

пряжен с величайшими трудностями и опасностями, поэтому лопари уже перестали посещать это место, вследствие чего нельзя дознаться, как попали сюда эти идолы и в чем заключалось поклонение им".

Часто бывает, что к одному идолу присоединяют другого, третьего и так далее. Таким образом, нередко их бывает довольно много. В таких случаях первого лопари называют Сторюнкаром, второго – его женой, третьего – сыном или дочерью, прочих – родственниками или слугами. Об этом рассказывает Самуил Реен: "Кое-где в горах попадаются два, три и более каменных идолов, из которых первого называют Сторюнкар, второго Акте (*Akte*), т.е. супругой, третьего сыном или дочерью, остальные камни родственниками и слугами". В этом они следуют человеческим обычаям, помня, что и королевские наместники бывают окружены женами, детьми, слугами, своего же Сторюнкара они почитают как наместника самого Тора. Поэтому иногда и ему дается такая свита.

Привожу здесь изображение Сторюнкара (изображен на пригорке камень, окруженный оленьими рогами, перед ним распростертый лопарь).

Перехожу, наконец, к третьему, т.е. к описанию самих жертвоприношений и прочих обрядов. Прежде всего следует заметить, что они могут совершаться лишь одними мужчинами, женщины исключаются из всего, связанного с культом. "Женщинам не разрешается совершать жертвоприношений", – пишет Самуил Реен.

Следует заметить, что ни одно жертвоприношение не совершается без предварительного осведомления путем гадания о том, будут ли они угодны или не угодны божеству. Для этой цели пользуются инструментом, называемым ими "Каннус" (*Kannus*), имеющим сходство с барабаном (тимпаном) древних и потому более известным у нас под названием лопарского барабана, описанию которого в следующей главе будет уделено достаточно места. Ударяя в этот барабан, под пение священных песен, они сперва подносят Тору то, что намереваются принести ему в жертву, и, если получают знак по движению медного кольца на барабане, что жертва угодна богу, то совершают жертвоприношения согласно торжественному ритуалу. Если оказывается, что она не угодна Тору, то предлагают ее Солнцу, затем Сторюнкару в установленном порядке, пока не найдут кого-нибудь, кто пожелает ее принять. Несколько другой порядок описывает нам автор анонимной рукописи: "Когда лопари соберутся совершать жертвоприношение, – пишет он, – то сперва предлагают жертвы Сторюнкару, при этом один из них бьет в барабан, а все остальные мужчины и женщины поют все вместе в таком роде: *Maiide fioelkaatum stourra passe seide*, т.е. что ты скажешь, великий и святой бог, примешь ли жертву, которую я собираюсь принести тебе. Продолжая петь таким образом, они прибавляют еще название той горы, где собираются совершить жертвоприношение. Если Сторюнкар отвечает утвердительно, то колечко остается неподвижным на том месте барабана, где сделано изображение Сторюнкара. Если и Сторюнкар отказывается, то жертву предлагают Тору таким же способом, как и раньше, и при этом поют: *"Maiide fioelkaktum stourra passe seide"*, т.е. что же, может быть, ты, добрый отец (т.е. Тор), желаешь принять мою жертву? После этого, если колечко стоит неподвижно на изображении Тора, в его честь и закалывают жертву". Таким же образом поступают и в других случаях.

Самуил Реен прибавляет к этому, что обыкновенно вырывают волос из шерсти жертвы и повязывают его на кольцо, которым гадают на барабане. Я приведу его слова: "Желая узнать, кому следует принести жертву – Тору, Сторюнкару или Солнцу, поступают следующим образом: связав жертвенное животное позади жилища, куда не разрешается ходить женщинам, выдергивают у него волос из нижней части шеи и привязывают его к одному из той связки колечек, которыми всегда пользуются при гадании на барабане. После этого ударяют в барабан и связка колечек с привязанным к ним волосом двигается по нему до тех пор, пока не остановится на нарисованном на нем изображении Тора, Сторюнкара или Солнца. Если колечки остаются все на том же месте, то это служит знаком, что жертва угодна тому или иному богу".



В своем сочинении "О волхвовании" Пейцер описывает гадание при помощи барабана несколько иначе, вероятно будучи введен в заблуждение неточностью чьего-либо рассказа или придав ему ложное истолкование. Привожу его слова: "Барабаны у них медные, – говорит он, – на них нарисованы разные виды четвероногих, птиц, рыб и пр., которые водятся в Лапландии. На барабан кладут медную лягушку, подвязанную к нему железной цепочкой. После этого, произнося заклинания, бьют в барабан, при издаваемых им звуках лягушка прыгает на какое-нибудь из нарисованных на нем животных. Его и приносят в жертву богам".

Обыкновенно в жертву приносят оленей, но, по словам лопаря Спирри Нильса, иногда и других животных, как, например, кошек, собак, овец или кур. "В Лулеоской Лаппмаркии, – рассказывает он, – приносят в жертву Сторюнкарм разных животных, как, например, кошек, собак, овец или даже кур". Этому несколько не противоречит то, что многих из этих животных совсем нет в самой Лаппмаркии, т.к. лопари достают их специально для жертвоприношения из Норвегии. По крайней мере, это утверждает вышеупомянутый Спирри Нильс, добавляя к приведенному выше перечислению животных, "которых они покупают в Норвегии".

Об этом же говорит и Самуил Реен: "В Норвегии лопари покупают главным образом тех животных, которых

они пообещали осенью принести в жертву богам". В последних словах Реена мы находим указание на то, что жертвоприношения совершаются, главным образом, именно в осеннее время. Это объясняется, я думаю, тем, что близость надвигающейся зимы с ее продолжительной ночью делает для них в это время помощь богов особенно нужной.

Поэтому же, вероятно, ежегодно осенью они подновляют изображение Тора, о чем я скажу ниже. Наряду с тем, что уже было рассказано мною о поклонении Тору, характерною особенностью его культа является то, что ежегодно за 40 дней до Михайлова дня они делают нового деревянного идола, изображающего это божество. Об этом мне говорил Спирри Нильс. За этим следует освящение его по установленному обряду, для чего идол об-

мазывается кровью и жиром убитой в честь него жертвы. "Перед деревянным идиолом закалывают оленя, вынимают из него все кости, а кровью и жиром смазывают всего идола. После этого оленя вместе с его костями зарывают в землю". В этом и состоит торжественное освящение идола Тора, которое повторяется ежегодно. Кроме этого идола, Тору воздвигаются потом и другие: каждый раз, когда в жертву приносится олень. "Каждый раз, когда лопарь приносит в жертву оленя, – говорит Самуил Реен, – он ставит нового идола в честь Тора".

Их расставляют в ряд на жертвеннике позади своего жилища на том священном месте, о котором мы уже говорили, и там поклоняются им, принося им жертвы. Это делается обыкновенно следующим образом: узнав описанным выше способом (гаданием на барабане), какая жертва будет угодна Тору, привязывают ее позади шалаша. Обыкновенно в жертву ему предназначаются самцы-олени. Связанного таким образом оленя закалывают, вонзая ему в сердце острие отточенного ножа, затем тщательно собирают кровь, вытекшую из сердца в особый сосуд, чтобы тотчас же вымазать ею идола. Поставив идола, которого заготавливают к этому случаю, как и вообще при каждом таком жертвоприношении, обмазывают ему кровью голову и спину, а на груди его проводят кровью же отдельные пересекающиеся линии наподобие крестов.

Позади жертвенника кладут рога убитого оленя и главные кости черепа, а также ноги, перед ним – в берестовой посудине – куски мяса от всех частей тела животного, залитые жиром. "Рога и главные кости кладут на алтарь Тору", – кратко замечает автор анонимной рукописи. Все остальное мясо убитого оленя идет в пищу семье лопаря. Таков обряд жертвоприношения Тору.

Когда жертва приносится Сторюнкару, обыкновенно это бывает самец-олень, то прежде всего (как говорит Самуил Реен, сообщение которого мы излагаем здесь почти дословно) сквозь его правое ухо продевают нить красного цвета, затем вяжут его позади шалаша, как и жертву Тора, и таким же способом убирают кровь из области, ближайшей к сердцу. После этого лопарь, совершающий жертвоприношение, уносит рога жертвы вместе с костями черепа и шеи, копытами и ногами на священную гору того Сторюнкара, в честь которого была принесена жертва.

Придя на это место и приближаясь к камню, лопарь почтительно обнажает голову, наклоняется к земле, преклоняет колени и всячески проявляет свое уважение к идолу, затем смазывает камень принесенными с собой кровью и жиром жертвы. За спиной идола ставят рога. Так описывает это Самуил Реен.

Анонимный автор к этому добавляет, что к правому рогу оленя привязывают его половой член, а к левому ту красную нить, перевитую серебром, о которой мы уже упоминали: "Рога и главные кости головы и шеи относят к Сторюнкару и вооружают их там в знак почтения. К правому рогу привязывают член, которым олень продолжает свой род, на левый рог наматывают красную нить, обвиняющую серебром".

Все, что соблюдается при жертвоприношении Сторюнкару, соблюдается также и по отношению к Сейтам, из чего видно, что божество торнеоских лопарей только именем отличается от того же бога лулеоских и питеоских лопарей.

Иоанн Торней описывает культ Сейтов следующим образом: "В определенное время лопари собираются около Сейтов, особенно в праздники или в случае какого-нибудь тяжелого бедствия. Нарядившись в свое лучшее платье, подходят к идолу, молятся ему и вообще всячески выражают ему свою преданность и уважение. При этом приносят им всевозможные жертвы, в частности все самое лучшее, что есть в олене: жирное мясо и пр., а также шкуру с рогами и копытами. Из всего этого образуются целые груды в тех местах, где развит культ Сейтов".

Из этого видно, что жертвоприношения Сейтам ничем не отличаются от описанных выше жертв Сторюнкарам. Оленьи рога, которыми они окружают каменных идолов, иногда находятся в таком громадном количестве и так навалены друг на друга, что образуется как бы непроникимый вал вокруг идола.

Они называют его *Tiorfwigard*, что значит "полоса, усеянная рогами". По словам Реена, число их иногда превышает тысячу. Он же рассказывает, что лопари имеют обыкновение подвешивать на эти рога колечки из березовых прутьев с нацепленными на них кусками оленьего мяса: "Берут куски мяса от какой-нибудь части тела убитого животного и нацепляют его на березовый пруттик, который гибнут колечком и вешают на рога".

Этот обычай, думается мне, и дал повод ошибочно

предполагать, что в числе богов лопари чтут также оленьи рога. Об этом подробно говорит Торней: "Некоторые плохо осведомленные люди рассказывают, что лопари поклоняются также оленьим рогам. Это заблуждение я объясню себе тем, что и в наше время кое-где наталкиваешься на настоящие курганы, сделанные из оленьих рогов. Как они возникли, вполне понятно тем, кто помнит, что они представляют собой остатки жертв, приносимых лопарями Сейтам. При этом в жертву приносятся обыкновенно и оленьи рога и шкура с копытами.

Все остальное идет в пищу. Тут тоже полная аналогия с тем, что обычно и при других жертвоприношениях. Два других вида несколько отличаются от прочих и встречаются реже: первый – когда жертву ведут на гору, где стоит идол, второй – когда желают совершить жертвоприношение в таком месте, куда из-за страшной высоты его или непроходимости дорог не могут добраться.

В первом случае жертву режут перед самым идолом и затем, проделав все, что предписано обрядами, тотчас же жарят мясо жертвы и тут же съедают его вместе с приглашенными друзьями, в особенности куски, вырезанные из головы и шеи. Это называется у них "пиром Сторюнкара". Шкуру жертвы при этом оставляют на месте. Такого рода жертвоприношение совершается не повсюду, а только на некоторых горах, посвященных Сторюнкару, где этот вид культа считается ему угодным.

Во втором случае, относящемся к недоступным для человека местам, обмазывают кровью жертвы камень и бросают его на недосыгаемую священную скалу или "горную вершину, на которой, по их представлениям, живет Сторюнкар, и таким образом выполняют свой обет.

Подобно тому как, помимо жертв, чтят Тора ежегодным приготовлением новых идолов, так точно перестилают свежими березовыми или сосновыми ветвями подножие священного камня, изображающего Сторюнкара. Это делается дважды в год: первый раз летом, когда земля устилается березовыми ветвями, второй раз зимой – сосновыми ветвями.

Все это согласуется с сообщениями Торнея о Сейтах, которые мы привели выше. Украшая таким образом капище, они стараются при этом угадать, милостиво ли настроен бог или чем-нибудь недоволен. Если камень кажется им легким в то время, когда они приподнимают его, чтобы подостлать под него траву и свежие ветки, то это считается благоприятным предзнаменованием, если же он тяжелее, чем обыкновенно, то полагают, что бог разгневан и недоволен ими, почему в таких случаях стараются умилостивить его жертвами или обещаниями.

Нечто подобное мы находим у Пейцера на страницах его сочинения "О волхвовании": "Отправляясь на охоту или рыбную ловлю и вообще при начале какого-нибудь предприятия, лопари, произнеся заклинания, пытаются узнать волю богов, пробуя сдвинуть их с места. Если это им легко удастся, то они принимают это за одобрение и предвещание успеха, если боги поддаются с трудом, то это сулит неудачу, если же их совсем не удастся сдвинуть, то это обозначает, что они разгневаны".

Я не думаю, что это могло бы относиться ко всем случаям, но при перестилке травы и ветвей это обыкновенно практикуется. В иных случаях для этой же цели прибегают к гаданью при помощи волшебного барабана, о чем мы уже говорили.

Остается еще сказать несколько слов о принесении жертв Солнцу. При этом пользуются не самцами, а самками оленей, притом взрослым животным предпочитают молодых телушек. Из всех ученых, писавших о Лапландии, сообщение об этом можно найти у одного только Самуила Реена. Обряд жертвоприношения Солнцу остается почти таким же, как и при уже описанных нами, с той лишь разницей, что через правое ухо оленя продевают белую, а не красную, как у Сторюнкара, нить в знак того, что он посвящается Солнцу.

Колечко, на котором подвешивается кусок мяса, делают при этом из ивового, а не березового прутика и помещают его на жертвеннике, сходном с Торovým, позади своего жилища: "Убив оленя, берут маленький кусочек мяса из какой-нибудь части тела и подвешивают на кольцо, сделанном из ивового прута, над жертвенным столом позади жилища в том же месте, где приносят жертвы Тору". По-видимому, это не тот же самый алтарь, но сходный с ним, как мы уже говорили раньше.

Различие их состоит в том, что на алтаре Солнца не бывает никаких идолов и нет также и оленьих рогов. Отчасти это объясняется, конечно, тем, что у молодых жертвенных животных они еще не успевают отрасти. Но для того чтобы жертвенник не казался пустым, на нем раскладывают в кружок кости жертвы: "Все крупнейшие кости жертвы раскладывают на алтаре таким образом, чтобы из них образовался круг". В этом заключается обряд жертвоприношения Солнцу.

Кроме перечисленных нами главных богов, лопари имеют еще много мелких, о которых мы уже говорили выше, как, например, маны – души умерших и полчища привидений – Юлей (Juhl).

Манам они не дают какого-нибудь определенного названия, мертвецов же вообще называют на своем языке "sitte". Им не ставят идолов, как Тору или Сторюнкару, а только приносят иногда особого рода жертвы. При этом, прежде всего при помощи барабана, узнают волю покойного относительно удобного ему вида жертвы. Во время этого, обычным путем идущего гадания поют песнь: "Maaiite wergo jabmina site?", т. е. "Какой жертвы вы хотите, мертвецы (маны)?" После того как кольцо на барабане укажет желаемую жертву, через правое ухо ее продевают черную нить.

Анонимный автор, у которого я заимствовал и слова вышеприведенной песни, говорит об этом следующее: "Олени и другие животные, приносимые в жертву умершим, должны иметь на рогах шерстяную нить черного цвета". Отмеченное таким способом животное приносится затем в жертву. Мясо его съедается, за исключением частицы сердца и легких, каждую из которых разделяют на три части, прикрепляют к трем палочкам и, смочив их в крови жертвы, зарывают в землю. Уже упоминавшийся мною анонимный автор так пишет об этом: "Они берут

кусочки сердца и легкого, разрезают их на три части, привязывают к трем палочкам, пропитывают кровью и затем таким же образом закапывают в землю, положив их вместе в ящичек, напоминающий с виду лопарские сани".

Говоря здесь "таким же образом закапывают в землю", автор имеет в виду кости, о которых он упоминает выше. Дело в том, что все кости из убитого животного обыкновенно вынимаются и закапываются в землю. Самуил Реен подтверждает это: "Под конец собирают все кости, складывают их в особый ящичек и закапывают в землю". Подробнее об этом я намерен поговорить при описании погребальных обрядов лопарей.

Остается сказать еще несколько слов о полчищах привидений Юлей (Juhl), которых называют еще Juhlafolnet. Они также не имеют ни идолов, ни каких-либо других изображений, как и маны.

Местом поклонения им обыкновенно бывает какое-нибудь дерево, растущее позади шалаша на расстоянии полета дробика. Культ их состоит в следующем, как видно из описания Самуила Реена: "Накануне праздника Юлей, что у лопарей обозначает Рождество, и в самый день праздника они

совершают суеверный обряд в честь блуждающих по воздуху Юлей (Juhl), которые в эти дни, по их поверию, носятся по соседним лесам и горам. Обряд этот заключается в следующем: в сочельник лопари постятся или, вернее, воздерживаются от всякой мясной пищи, от каждого же другого кушанья берут кусочек и тщательно его сохраняют, то же самое делают и в самый день праздника. Собранные таким образом в течение этих двух дней частицы они складывают в ковчезец, сделанный из бересты, напоминающий кораблик с парусами и веслами, и до-

ливают туда немного жира. Затем такой кораблик, наполненный кусочками, подвешивают на дереве позади своего жилища в некотором отдалении для удовлетворения толпы носящихся по воздуху, по лесам и горам Юлей". Этот новый для нас вид жертвоприношения напоминает (воздаяния) древних, предназначавшихся гениям. Почему все это укладывается в кораблик, они и сами не знают и не могут объяснить этого. Мне кажется, что это чуждый религиозный обычай, в особен-

ности еще и потому, что раньше вместо Юлей они чтили полчища ангелов, благовествовавших Рождество Христово, как было уже сказано в начале этой главы.

Это предание могло дойти до них только с введением христианства, которое, по всей вероятности, впервые было занесено приплывшими на кораблях, что, быть может, и отразилось в этих обрядах.

Вот все, что мы намеревались сказать об идолопоклонстве и языческом суеверном культе у лопарей, который удержался до наших дней, хотя и не повсюду, но еще достаточно широко распространен, о чем свидетельствует повседневное наблюдение.

